

Чтение художественной литературы

Н. Хвостов

Сочельник в лесу

Ночь. Мороз. Сверкают звезды
С высоты небес.
Весь в снегу, как в горностаях,
Дремлет тихий лес.
Тишина вокруг, поляна
Спит в объятьях сна.
Из-за леса выплывает
На дозор луна
Звезды гаснут.
С неба льются
Бледные лучи,
Заискрился снег морозный
Серебром парчи.
Широко раскинув ветви,
В шубе снеговой,
Посреди поляны елка
Ввысь ушла стрелой.
На красавицу лесную
Лунный свет упал,
И огнями лед кристаллов
В ветках заиграл.
Бриллиантовые нити
В хвое заплелись,
Изумруды и рубины
На снегу зажглись.
Ясной звездочкой у елки —
Светится глава...
Наступает день великий —
Праздник Рождества!

Рождественская ночь

Как тиха эта ночь... как прозрачна она!
Вдохновенно глядят небеса,
И в объятьях глубокого зимнего сна
Ожиданием дышат леса...
В эту тихую ночь беззакатной звездой
В мрачной бездне утраченных лет
Загорелся впервые над грешной землей
Христианства божественный свет.
В эту ночь улыбнулся Младенец- Христос
С бесконечною лаской любви
Людям — братьям своим, утомленным от слез,
Утонувшим в грехе и в крови...
В эту ночь легкокрылых небесных гостей
Будто слышится пенье вдали...
И лучистые звезды сияют светлей
И над снегами холодной земли...

Александр Иванович Куприн. Елка в капельке

Хорошо вспоминается из детства рождественская елка: ее темная зелень сквозь ослепительно-пестрый свет, сверкание и блеск украшений, теплое сияние парафиновых свечей и особенно – запахи. Как остро, весело и смолисто пахла вдруг загоревшаяся хвоя! А когда елку приносили впервые с улицы, с трудом пропихивая ее сквозь распахнутые двери и портьеры, она пахла арбузом, лесом и мышами. Этот мышистый запах весьма любила трубохвостая кошка. Наутро ее можно было всегда найти внутри нижних ветвей: подолгу подозрительно и тщательно она обнюхивала ствол, тыкаясь в острую хвою носом: «Где же тут спряталась мышь? Вот вопрос». Да и догоревшая свечка, заколебавшаяся длинным дымным огнем, пахнет в воспоминании приятной копотью.

Чудесны были игрушки, но чужая всегда казалась лучше. Прижав полученный подарок обеими руками к груди, на него сначала и вовсе не смотришь: глядишь серьезно и молча, исподлобья, на игрушку ближайшего соседа.

У господского Димы – целый поезд, с вагонами всех трех классов, с заводным паровозом. У прачкиного Васьки – деревянный конь: голова серая, в темных яблоках, глаза и шея дикие, ноздри – раскаленные угли, а вместо туловища толстая палка. Оба мальчугана завидуют друг другу.

– Посмотри, Дима, – изнывает от чужого счастья кривобокая, кисло-сладкая гувернантка, – вот дырочка, а вот ключик. Заводить надо так: раз-раз-раз-раз... У-у! поехали, поехали!..

Но Дима не глядит на роскошный поезд. Блестящие глаза не отрываются от Васьки, который вот уже оседлал серого в яблоках, стегнул себя кнутиком по штанишкам, и вот пляшет на месте, горячится, ржет ретивый конь, и вдруг галопом вкось, вкось!.. У Димы катастрофа: крушение поезда, вагоны падают набок, паровоз торчит вверх колесами, а колеса еще продолжают вертеться с легким шипением.

– Ах, Дима! Зачем же толкать паровозы ногами? Как тебе не стыдно?..

– Не хочу паровоза, хочу Васькину вошадь! Отдайте ему паровоз, а мне вошадь! Хочу вошадь!

Но гордый Васька гарцует, молодецки избоченившись на коне, и небрежно кидает:

– Ишь ты какой! Захотел тоже!..

Что говорить, волшебна, упоительна елка. Именно упоительна, потому что от множества огней, от сильных впечатлений, от позднего времени, от долгой суеты, от гама, смеха и жары дети пьяны без вина, и щеки у них кумачово-красны.

Но много, ах как много мешают взрослые. Сами они играть не умеют, а сами суются: какие-то хороводы, песенки, колпаки, игры. Мы и без них ужасно отлично устроимся. Да вот еще дядя Петя с козлиной бородкой и козлиным голосом. – Сел на пол, под елкой, посадил детей вокруг и говорит им сказку. Не настоящую, а придумал. У, какая скука, даже противно. Нянька, та знает заправдушные.